

АНАТОЛИЙ БАЙБОРОДИН

НАКАНУНЕ ВЕЛИКИХ ДЕЯНИЙ

Иркутские годы святителя Иннокентия Московского

*Жатвы много, а делателей мало;
итак, молитесь Господина жатвы,
чтобы выслал делателей на жатву
Свою.*

Евангелие от Луки 10:2

*Идите по всему миру и проповедуйте
Евангелие...*

Евангелие от Марка 16:15

Ангинская слобода

Озеро Байкал от сотворения мира видело тьму разноликих, разноязыких племён, и дерзких, и тихих, истлевших по скалистым и пологим берегам. В смутной человеческой памяти осели лишь отзвуки далёких времён и гордых племён: хунны, баргуты, курыкане; из сих древних корней вывелись поздние прибайкальские племена тунгусов и бурят. Позже явились к байкальским берегам и русские казаки и промысловые люди.

В 1643 году при царе Алексее Михайловиче из Верхотурского острога вышла ватага казаков во главе с тобольским пятидесятником Курбатом Ивановым. Тунгусский князь Можеуль, нанятый проводником, повёл их встречу солнцу. Казаки, перевалив Приморский хребет, вышли к Байкалу напротив острова Ольхон. Курбат Иванов нарисовал карту Байкала, и 2 июля 1643 года в Российские земли вошло западное Прибайкалье и остров Ольхон.

Казаки-землепроходцы, осмотревшись, убедились: богата здешняя тайга белкой и соболем. А шкурки пушных зверьков дорого ценились в торговле, посему вскоре прихлынули к Байкалу и русские промысловики. Да кроме пушных зверьков добывали и копытных. А крестьяне, что следом пришли, радовались: обильны травостоем пастбища и покосы; добра земля в приречных долинах, пригодна для сева ячменя, овса и даже пшеницы. И осели русские в верховьях Ангары, Лены и речных притоков.

В прибайкальской тайге, вблизи ложбины Карчикай и озера родилась река Анга – на языке эвенков *Волчья пасть* либо *расселина* – узкое ущелье в горах. Гибко извиваясь, побежала Анга к реке Лене по заболоченным распадкам, где по осени на бурых мхах красным-красно от клюквы. Миновала Анга южные склоны Чёрного хребта, где могучие ели и лиственницы пышными кронами вознеслись в небеса, где вольно бродят лоси, изюбри и медведи, а на вешних зорях таинственно бубнят тетерева и костяно перещёлкивают глухари.

Покружив по таёжным падам, выбежала река на вольную долину, где густые травы и чудные цветы, куда триста лет назад пришли русские казаки, где и побратались с эвенками.

Вообразим погожий летний день... На берегу Анги казаки развели костёр, сварили уху из добытых ленков и, помолившись, отведали – добра полёбка. Поклонились на восток:

– Благодарим Тя, Христе Боже наш, яко насытил еси нас земных Твоих благ; не лиши нас и Небеснаго Твоего Царствия, но яко посреде учеников Твоих пришел еси, Спасе, мир даяй им, прииди к нам и спаси нас. Слава Отцу и Сыну, и Святому Духу и ныне, и присно, и во веки веков. Аминь. Господи, помилуй, Господи, помилуй, Господи, помилуй! Благослови.

Вздремнув под речной говор, побродили казаки по долине и вырешили: добрая земля, живи и радуйся. Основали казаки заимку, повеличенную в честь реки Ангинская; а заимка потом выросла в слободу, где казаки и мужики ловили рыбу, охотились, пасли лошадей и коров, сеяли жито, косили сено на зиму.

В 1682 году князь Иван Петрович Гагарин, царский стольник и воевода Илимского воеводства, отдал Киренскому Свято-Троицкому монастырю слободу с пахотными землями, сенокосными угодьями, а также с рыбной ловлей на Байкале и по большим и малым рекам. И стала Ангинская слобода монастырской вотчиной, где жили монастырские крестьяне – пахали землю, сеяли рожь, ячмень, овёс, ячмень и горох. Пытались и пшеницу сеять, но толку мало – шибко уж прихотлива матушка-пшеничка.

О ту далёкую пору в здешних землях сеяли больше рожь – пятьдесят пять процентов посевов, и обычно озимую; на долю овса приходилось двадцать два процента, пшеницы – пятнадцать, ячменя – шесть, прочих зерновых – два.

Из Ангинской слободы выросло село Анга, прославленное на весь белый свет, – в селе родился и жил святитель Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский, апостол Америки, Сибири и Дальнего Востока.

* * *

Русские казаки и крестьяне, пришедши в Сибирь из архангельских, вологодских, новгородских и прочих российских земель, выкопав и обшив деревом временные избы-землянки, тут же возводили на холмах часовни и церкви, кои золотисто светились венцами на ярких рассветах и закатах. А уж потом рубили избы, и хормные, и скромные.

Вот и в Ангинской слободы казаки, крестьяне и монахи прежде вольготного жилья строили церковь. И, по слухам, однажды в слободу явились таёжные эвенки. Подошли к плотникам. И молодой эвенк, который умел говорить по-русски, спросил:

– Однако, большой чум строите?

– Не чум, а церковь, мил-человек, – ответил монах.

Эвенки не ведали про церковь, и монах пояснил:

– Церковь – Дом Бога. В церквях христиане молятся Богу...

– Какому богу?

– Вы молитесь Солнцу, Луне, тайге, озёрам и рекам. Вы молитесь даже байкальским ветрам – Сарме, Култуку, Баргузину. А христиане молятся единому Богу, властелину неба и земли.

– Ой-ё-ё-ё... – подивился молодой эвенк. – И помогает вам Бог ваш?

– Помогает тем, кто любит Бога и людей.

– Однако, и эвенкам бы вашего Бога...

– Тогда надо креститься во Христа, – сказал монах и пояснил смысл таинства крещения.

Долго ли, коротко ли, но в начале восемнадцатого века жители Ангинской слободы возвели Божий Дом – на высоком холме красовалась деревянная церковь в честь святого пророка Ильи, которую в народе звали Ильинская. К церкви лепились рубленные кельи здешних монахов, кои спасались и вымаливали у Христа Бога спасения православным христианам, здравствующим и почившим.

Возведя церковь, слобожане срубили бревенчатые избы и славно зажили в тёплом жилье; трудились, не ленились: пасли лошадей и коров, косили

сено на зиму, пахали землю, сеяли жито, иные кормились с ружья либо ловили рыбу в Анге. И Богу усердно молились...

В середине восемнадцатого века монах Корнилий и ангинские крестьяне срубили другую деревянную церковь, опять же во святую память Ильи Пророка. А через полвека крестьянские сыны – славные братья Ольхоновы и Воробьёвы – сложили Ильинскую церковь из камня, избрав холм за ручьём, впадающим в Ангу. Каменная церковь, обильная старинными иконами, вышла трёхпрестольной: тёплый придел (справа) – в честь Ильи Пророка; центральный – в честь Пресвятой Троицы; левый придел – во имя Прокопия и Иоанна Устюжских Чудотворцев, позже переосвящён в честь первосвятителя Иннокентия, Иркутского чудотворца.

Старая же деревянная церковь обратилась в богадельню – добрый приют для одиноких стариков и старух; и при богадельне той в 1832 году жили десять бездомных старушек. Жили старушки на подаяния добрых людей.

Раннее детство Вани Попова

Свято храня правду событий, вообразим и сочиним лишь некие картины, дабы живо виделось житие грядущего святителя в селе Ангинском.

В селении том, Богом избранном, жили священники Поповы, коих в старину звали: *попы*; а по сему фамилия *Поповы*, видимо, и родилась из разговора:

- Чьи дети в церкви поют?
- Поповы...

Из сего древнего рода священников, прослуживших более ста сорока лет в Ангинской слободе Верхотурского уезда Иркутской губернии, и вышел Евсевий Иоаннович Попов, пономарь Ильинской церкви. Оговоримся: Поповы служили Богу равно диаконами и пономарями. А жил Евсевий Иоаннович с богданной женой Фёклой Саввишной рядом с церковью, в деревенской избе, по соседству с избой отца Иоанна Иоанновича Попова.

В старинном священническом роде вызревал грядущий святой, о коем поведём речь. Его прапрадеда Иоанна Пантелеймоновича Попова в 1790 году от Рождества Христова прислали из Тобольска в Иркутск, где отец Иоанн служил священником в церкви во имя Спаса Нерукотворного. Прадед Иоанн Иоаннович Попов с 1738 года – священник Ильинской церкви в Ангинской слободе и основатель рода ангинских священников. А дед святителя Иоанн Иоаннович Попов женился на дочери Андрея Петрова, священника Харлампиевской церкви в Иркутске; и в семье его сына, священника Иоанна Иоанновича Попова, родился Евсевий Иоаннович Попов, отец будущего святого.

А 26 августа 1797 года в селе Ангинском случилось чудо... На утренней заре радостно звонили колокола Ильинской церкви. И колокольный звон плыл по долине реки, а в синем небе весело кружились голуби. Колокола звонили в честь праздника Владимирской иконы Божьей Матери, и нарядные жители села, старые и малые, спешили в церковь на Божественную литургию.

В сей праздничный день и случилось чудо: благочестивым и христоробивым супругам Евсевию Иоанновичу и Фёкле Саввишне Поповым Господь даровал сына, наречённого по крещению Иоанн, – родился великий святой, которому будет молиться весь православный люд.

Ваня, как звали малого в миру, стал седьмым в большой семье Евсевия Ивановича и Фёклы Саввишны; а через три года родился и Стефан. “Один в пухе, другой в брюхе...” – говаривали крестьяне про часто рожавших жён. Впрочем, встарь эдакие семьи, где восемь чад, в деревнях и сёлах не в диковину, бывали семьи и по пятнадцати и двадцати ребятишек.

Когда явился на белый свет Ваня Попов, истекал месяц август, величайший *серпень*, *жнивень*, поскольку ангинские крестьяне, наточив *серпы*, выходили на *житву* (жатву) ржи, овса, ячменя. Подростки в ближних лесах брали голубицу, смородину, малину и набивали корзины грездями и рыжиками, что красовались в сосновых борах. Торопливо готовились к путешествию перелётные птицы, ибо в августе лето навстречу осени вприпрыжку бежит.

Сквозь сумрак веков видится, рождается в светлом воображении изба сельского пономаря Евсевия Попова... Высокое крыльцо, сени с деревянной бочкой для воды, рядом – деревянные вёдра и коромысло; на стене – конская упряжь и плетёные корзины. А из сеней – тяжёлая, тесовая дверь в горницу,

где в красном углу — божница, и в мерцающем свете лампы оживают святые лики. Рядом с божницей — полка зачитанных церковных книг; а под божницей — дощатая кровать, где лежит под святыми хворый Евсей Иванович. Вдоль стен — широкие лавки, застеленные рядом и годные для спанья. Посреди горницы — русская печь в пол-избы, к печи льнут полаты, где спят ребяташки; а за печью — куть, заставленная деревянными лопатами, берестяными туесами, глиняными горшками и чашами. В кухне Фёкла Саввишна варит щи и каши, печёт хлеб и калачи, а по великим праздникам — рыбные пироги и творожные, брусничные шаньги.

Подле окна — стол, и на столешне сияет медный самовар, рядом — чугунный светец, куда крепили берёзовую лучину. В поспешные зимние сумерки, запалив лучину, Фёкла Саввишна и старшие дочери пряли овечью шерсть, вязали варежки и носки; старшие сыновья подшивали валенки, а уж Евсей Иванович читал вслух Святое Писание.

В сей крестьянской избе и случилось чудо: родился и жил до шести лет прославленный на весь белый свет грядущий святитель Иннокентий, апостол Америки, Сибири и Дальнего Востока.

Младенца окрестили в Ильинской церкви. Священник вынул младенца из крещальной купели и, любуясь, подал в руки крестьянина Саввы Чувашева и Устины Яковлевой, жены казака Тюрюкова. Восприемники с любовью приняли крещаемого, и с того дня повеличались крёстным отцом и крёстной матерью. А крёстные родители в таинстве крещения отвечают Богу за благочестивое, христоролюбивое возрастание чада.

Коль православные давали новорождённым имена по святам, то крещаемый обрёл имя Иоанн в честь преподобного Иоанна Постника, чьи подвиги Церковь славил в сей день. Отныне святой Иоанн Постник — Небесный покровитель раба Божия Иоанна, в миру Ивана Попова.

* * *

Семьи сельских священников, диаконов и пономарей, имея жалкое жалование да скудные подношения за исполнение треб, жили по-крестьянски: на подворье мычали корова с бычком, блеяли овцы, кудахтали куры; на огороде зрела капуста, репа, свёкла, лук и чеснок. Хозяйка либо старшие дочери доили корову, и в погребе хранились молоко, сметана и творог. Сыновья чистили стойки, стригли овец, пилили дрова, а подростки, заматерев, запрягали лошадей в соху и пахали землю. По весне во вспаханную землю засеивали рожь, ячмень, овёс, пшеницу, гречиху, просо и горох. Пшеницы сеяли мало; больше сеяли рожь — лучше вызревала. После жатвы пшеницу и рожь мололи на мельницах — вот в амбарных сусеках мука; дробили зерно и на крупорушках — вот и крупы в берестяных туесах.

В больших сельских семьях даже малые дети подсобляли родителям; а уж лет с десяти трудились рядом со взрослыми; так и дети пономаря Евсевия Ивановича: весной сажали картошку, репу, капусту, свёклу, морковь; летом пасли овец и коз на пастбищах, пололи грядки в огороде и на сенокосе сгребали скошенную траву в копны. Ближе к осени бродили в лес за Ильинскую церковь и кладбище, где в еловом и сосновом бору на зиму собирали рыжики и грузди. С реки Анги либо с ручья Манкай возили воду, привязав бочонок летом — на тележку, зимой — на салазки; на реку же по зиме возили корову на водопой. В эдаких сельских трудах и жила семья пономаря Евсевия Ивановича Попова.

Дивная и щедрая прибайкальская тайга обнимала село Ангинское; в тайге — синим-синё от голубики, красным-красно от брусники, а ближе к осени — в изобилии грибов. По селу течёт река Анга, где на рассветах и закатах играет, плещется рыба; и на утренних зорьках старшие сыновья Евсевия Ивановича, возможно, ловили матёрых ленков, серебристых хариусов, а в сплетённые из тальника морды добывали голянов, коих матушка парила в русской печи.

Раннее детство Вани Попова похоже на детство сельских ребят. Зимой катался на салазках с ледяной горки, а летом купался в речке. В тайге собирал с братьями и сёстрами грибы подосиновики, подберёзовики, маслята и грузди. Случалось, ребяташки уходили гурьбой далеко за село и в полях брали

душистую землянику, которую звали *пёстрая ягода*. Возле реки и возле ручьёв собирали чёрную и красную смородину, или по-сибирски — *кислицу*.

Но, похоже, большее время Ваня Попов проводил в церкви... Без Бога ни до порога... Молился с братьями и сёстрами, помогал священнику и диакону на богослужениях. И пусть семья Поповых жила бедно, бедность не печалила, ибо "похлёбка пуста, но душа чиста". Евсевий Иванович приучил сына не унывать, а терпеливо и спокойно переносить горести жизни. Бог терпел и нам велел... От унынья мальчика спасали молитвы и любовь к труду, ибо, как и старшие братья, сёстры, Ваня смалу помогал отцу и матери.

Хотя рос среди дивных лесов и лугов, детство сельскому отроку выпало горестным — бедность и хворый отец: Евсевий Иванович лежал на смертном одре, дышал на ладан. Смолоду славился добрым здоровьем, но однажды простудился, слёг и уже не исцелился.

Когда Ваня вырос, то вспоминал:

— Отец, будучи долго болен, почти всегда лежал в постели...

Семейство церковного пономаря читало утреннее, вечернее правило, а Фёкла Саввишна, видимо, усердно молилась об исцелении мужа:

— О Премилосердный Боже, Отче, Сыне и Святой Душе, в Нераздельной Троице поклоняемый и славимый, призри благоутробно на раба Твоего Евсевия, болезню одержимаго; отпусти ему вся согрешения его; подай ему исцеление от болезни; возврати ему здравие и силы телесные; подай ему долгоденственное и благоденственное житие, мирные Твои и премирные блага, чтобы он вместе с нами приносил благодарные мольбы Тебе, Всещедрому Богу и Создателю нашему. Пресвятая Богородице, всесильным заступлением Твоим помоги мне умолить Сына Твоего, Бога моего, об исцелении раба Божия Евсевия. Все святые и Ангелы Господни, молитесь Бога о больном рабе Его Евсевии. Аминь.

И Ванюша, смалу боголюбивый, богомольный, шептал во слезах:

— Боже милостивый, исцели моего батюшку...

Невзирая на тяжкую хворь, отец читал семейству Святое Писание; поучал чад житию в любви ко Всевышнему и ближнему.

* * *

Дали воображению вольную волю, то не резон и обуздывать...

Однажды Евсевий Иванович позвал четырёхлетнего сына, и Ваня послушно подошёл к постели, где лежал хворый отец.

— А желаешь ли, Ваня, чтобы я учил тебя чтению? — спросил отец.

— Желая, тятя, желаю, — охотно согласился Ваня.

— Ну, тогда, сына, учись, не ленись. Ученье — свет, а неученье — тьма.

С той поры Ваня старательно учился и редко играл на улице с ребятами. Бывало, забежит соседский парнишка и манит:

— Айда, Ваня, в догоняшки играть...

Редко Ваня согласится, чаще откажется:

— Нет, я не пойду. Я с батюшкой...

Обучая сына чтению, возможно, Евсевий Иванович помнил, как учился грамоте отрок Варфоломей, грядущий светоч Земли русской, преподобный Сергей Радонежский.

Тяжкую хворь ссудил Господь Евсевию Ивановичу, да не во смерть, а в очищение, спасение и обретение вечной жизни в Небесной Обители. Ване пошло шестое лето, когда отец предал Богу душу, "исповедавъ своя согрѣшенія, и Св. Таинъ приобщенъ, и елеемъ освященъ, помре 40 лѣтъ".

Пришла беда — отворяй ворота... Семейству пономаря и при хвором отце жилось не до жиру, быть бы живу, а ныне Фёкле Саввишне с оравой ребятешек хоть по миру броди с нищенской сумой, пой Лазаря под окнами, проси милостыню: "Добрые люди, Христа ради подайте на жизнь..."

— Чем кормить, во что одевать и обувать малых деток, ума не приложу, — со слезами жаловалась Фёкла Саввишна. — На обеденном столе — хлеб с солью, да водица голюю.

Но, слава Богу, мир не без добрых людей; к тому же в селе жил дядя сирот — Димитрий Иванович Попов, диакон Ильинской церкви. Дядя помогал горемычной вдове и даже взял Ваню в свою семью.

Однажды дядя говорит племяннику:

- Знаю, отец учил тебя грамоте...
- Да, тятя учил читать, – ответил Ваня и заплакал об отце.
- Не плачь, Ваня... Царствие Небесное рабу Божию Евсевию. Молись о его душе...
- Молюсь, дядя...
- Коли отец учил тебя читать, то и продолжим учение... Глядишь, и Апостол осилим, и Псалтирь... Потрудимся. Без труда, Ваня, и карася не вынешь из пруда.

* * *

Завершался Рождественский пост, и священник на проповеди толковал прихожанам:

– Пост... истинный, яко Божественные Писания показывают нам, не обращён токмо сиречь пищи и пития удалитися, но и от всех неподобных мыслей и злых дел воздержитися, и от великого греха храните себя.

А посему православные постились и брюхом, и духом – жили в умиленной любви к Богу, во всепрощающей, сострадательной любви к братьям и сёстрам во Христе.

Накануне Рождества Христова, в Рождественский сочельник дядя с племянником читали Евангелие. И виделось Ване... Вот пещера в горе – вертеп, и в сию пещеру хозяева на ночь загоняли коров, овец и лошадей. В том вертепе – долгий ящик, прозываемый *ясли*, куда хозяева кидали сено и солому для коров, овец и коз. В яслях и родился младенец Иисус Христос...

Ещё не выглянуло солнышко, не осветило село, а в Ильинской церкви уже празднично звенели колокола; и люди, невзирая на лютые рождественские морозы, спешили в церковь: ныне Рождество Христово, ныне родился Иисус Христос...

И в церкви свершилось новое чудо... Шестилетний Ваня Попов на Божественной литургии читал “Апостол”, и Фёкла Саввишна глядела на сына со слезами радости; а церковные прихожане восхищённо слушали парнишку и, выйдя из церкви, рассуждали:

- Парнишке всего шесть лет!.. И он читает книгу “Апостол”... Чудо!
- Взрослые-то грамотеи, книгочеи не могут осилить...
- Кого же осилишь, книга же на божественном языке, – собеседник помянул церковно-славянский язык, на коем изложены богослужебные книги.
- Да у нас в селе и грамотеев-то по пальцам сочтёшь...
- Да так толково, так бойко читал...
- Ну, так смалу же в церкви. Вот ему и благодать Божия...

Создавший великий исторический труд о святителе Иннокентии писатель Иван Барсуков* по сему поводу выразил восхищение:

“Мальчикъ учился такъ успѣшно, что онъ ещё семилѣтнимъ ребѣнкомъ читалъ въ своей церкви въ праздникъ Рождества Христова, за литургією, Апостолъ. И своимъ толковымъ чтеніемъ доставлялъ утешеніе прихожанамъ церкви св. Іліи пророка...”

Прихожане смотрели на отрока и печально вздыхали, ибо парнишка удручал бедным одеянием:

- Чтец-то добрый, а до чего же худо одет...
- Да уж... Нищие на паперти богаче одеваются...
- Богаче, не богаче, но справнее...

На Ване – зачиненные порты, поношенный зипун; и обут в старые чирки – обувь бедных крестьян.

- А где же ему, горемычному, добрую-то одежду взять?!

* Иван Платонович Барсуков, знаменитый русский архивный историк, собрал, описал ценнейшие сведения по истории Русской Православной Церкви, по истории Восточной Сибири, Дальнего Востока, Камчатки, Алеутских островов и Аляски. В сокровищницу русской и мировой науки вошли его выдающиеся книги: “Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский, по сочинениям, письмам и рассказам современников” (1883), “Граф Н. Н. Муравьёв-Амурский по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам” (в 2-х т. – М., 1891). Мало сего, Иван Платонович Барсуков собрал, издал и сочинения самого митрополита Иннокентия: “Творения Иннокентия, Митрополита Московского” (в 3-х т. – 1886–1888).

- Верно, шибко уж бедно Поповы живут...
- А с чего и богаче-то заживёшь?! У Фёклы Саввишны орава малых де-тишек...
- И мужа-работника схоронила...
- Да и какой работник, коли долго болел?!
- Но до болезни-то был здоровый, работающий...

Когда Евсей Иванович слёг, а потом и предал Богу душу, семья лишилась работника. А сыновья ещё не вошли во взрослые лета и не могли заметить отца на подворье.

Фёкла Саввишна посылала сыновей и дочерей к богатым крестьянам. В их семьях девчухи водились с малышами, парнишки пасли коз либо овец; а старшие дочери и сыновья, возможно, помогали хозяевам на сенокосе, на жатве хлебов. И хозяева щедро либо скупо одаривали батраков ржаной мукой, крупами, маслом; но кормили сытно, и батраки низко кланялись:

- Благо дарим за хлеб, за соль, за щи с квасом, за лапшу, за кашу, за милость вашу.

Но ребячьи заработки в людях семью не спасали; и всякий вечер Фёкла Саввишна печально глядела на детей, которые не ели досыта и одеты были в старые обноски. В бедных семьях дети донашивали одежду старших братьев и сестёр; а матери хотелось купить ткани,шить сыновьям рубахи, порты и кафтаны; а дочерям – сарафаны и девичьи кафтаны... Но где взять деньги на ткани, коли и на прокорм не хватает?..

Думала Фёкла Саввишна, думала и придумала. Ободрённая чудесным даром Ванюши, пыталась пристроить дивного книгочея в церковь пономарём. Всё доход семье от жалования семилетнего сына. Но Господь ссудил Ване Попову иной жизненный путь...

Когда Ваня Попов стал священником Иоанном (Вениаминовым), то вспоминал: “В семинарию я поступилъ уже дѣвяти с половиною лѣт и после нѣсколькихъ попытокъ матери моей определить меня на мѣсто отца моего пономарѣмъ. Попытки эти были напрасны, несмотря даже и на то, что мать моя оставалась въ беспомощномъ положѣнии с тремя дѣтьми, кроме меня. Попытка в томъ же роде сдѣлана была ещё чрез два или три года после поступлѣния моего в семинарию, но тоже напрасно. И это, конечно, потому, что мнѣ суждено служить нѣ на месте моей родины, а въ Америке...”

Ване шёл десятый год, когда ангинский диакон Дмитрий Иванович Попов повестил Фёклу Саввишну:

- Ильинская церковь посылает Ваню в духовную семинарию...
- В Иркутск?.. – испугалась Ванина мама.
- В Иркутск.
- Такого маленького?
- Да какой же маленький?! Десятый год пошёл... Да и погляди, Фёкла Саввишна, какой рослый. Словно и не девять лет, а все пятнадцать... А потом, в отроке эдакое рвение к учению и усердие...
- А может, все же пономарём в церковь?.. Всё хоть помощь семье...
- Нет, Фёкла Саввишна, напрасные хлопоты... А вот в семинарии худо-бедно накормят, оденут, обуют. И тебе меньше забот...

Мать, тяжело вздохнув, согласилась.

...Осеннее прохладное утро. Пожелтели лиственницы за селом, покраснели кусты черёмухи в палисадниках, а в синем небе с курлыканьем плыли журавли. В тёплые края улетали перелётные птицы.

У избы Дмитрия Ивановича Попова дремала лошадь, запряжённая в телегу. Дмитрий Иванович уложил дорожную суму, кинул охапку соломы, чтобы мягче сидеть, и укрыл телегу войлочной кошмой.

Рядом с телегой – семья Поповых; пришли пожелать Ване счастливого пути. Мать со слезами обнимала сына, крестила и молилась. Просила в молитвах, чтобы Иисус Христос благословил сына в путь-дороженьку. Чтобы Николай Угодник охранял путников. Чтобы Господь Бог даровал отроку Иоанну доброе житие в граде Иркутском, без глада и хлада. Умоляла и Ангела Хранителя, дабы денно и ночью оберегал сына.

- Ну, Фёкла Саввишна, трогаемся, – сказал Дмитрий Иванович, усевшись в телегу. – Садись, Ваня.

Обнявшись с братьями и сёстрами, Ваня притулился возле дяди, и возница, ангинский мужик, встряхнул вожжами, и лошадь тронулась. Ваня

с грустью вглядывался в сельские избы, в заводы и плёсы Анги, где любил купаться жарким летом. Ваня прощался с родным селом, прощался с деревенским детством...

Иркутская духовная семинария

Вообразили, сочинили раннее детство Вани Попова и поведали, а ныне вообразим жизнь сельского подростка в городе Иркутске...

Долго ли, коротко ли, но прибыли путники в губернский стольный град... Ваня, широко распахнув глаза, дивился великолепию иркутских храмов и каменных зданий, красоте деревянной резьбы, украшающей оконные наличники и карнизы бревенчатых купеческих и мещанских домов.

Историк Иван Барсуков восхищённо описал славный сибирский город: "Иркутскъ, самый красивый городъ во всей Сибири. Расположенъ на правом берегу величественной рѣки Ангары, которая такъ быстра, что жестокіе морозы... покрываютъ её... льдомъ не ранѣ января мѣсяца; а бывають годы, что... всю зиму переправляются через Ангару на плашкоутах. Улицы Иркутска чисты и правильны. Мѣстность ровная, сухая и плодородная. (...) На лѣвомъ берегу Ангары, в пяти верстах от Иркутска, на возвышеніи красуется Вознесенскій монастырь со своими золотыми крестами и главами. Въ нёмъ открыто почиваетъ в нетлѣнии, благоухая, прославленный чудотвореніями Святитель Иннокентій в великолѣпной серебряной ракъ..."

Мог ли Ваня Попов вообразить, что минуют долгие годы, и, принявши монашеский ангельский чин, он обретёт имя первосвятителя Иннокентия Иркутского.

А путники тем временем, покругив по иркутским улицам, выехали к двухэтажному каменному зданию духовной семинарии, что красовалось на Нижней набережной Ангары. Рядом – божественные чудеса русского зодчества: Богоявленский кафедральный собор и старинный храм во имя Христа Спасителя.

* * *

В 1806 году, будучи девяти лет от роду, Ваня Попов поступил в Иркутское духовное училище, а через два года – в Иркутскую духовную семинарию, что вышла из Русско-Славянской школы.

В сѣм почтенном заведении будущих священников, диаконов, причетников обучали богословию, церковной истории, философии, поэзии, риторике, чтению по Псалтыри, правилам церковного нотного пения, чистописанию, русской грамматике, арифметике, географии, латинскому, еврейскому и греческому языкам. Не всем семинаристам хватало ума и усердия изучить около сорока предметов; иные уходили из семинарии, не доучившись, вспоминая учение, яко страшное мучение. Но успешно завершившие учение обретали глубокие и обширные знания.

Экзамены семинаристы не сдавали, но каждый месяц отвечали на семинарских *собраниях*. Учителя строго, придирчиво опрашивали студентов по разным предметам, выясняли поведение: не опаздывал ли в церковь к праздничным богослужениям?.. И сурово наказывался всякий семинарист, что опоздал в церковь к *заутрене*, которая начиналась в четыре часа утра в Богоявленском кафедральном соборе.

Семинаристы должны без опоздания прийти в церковь даже в сорокаградусные морозы, даже если жили на другом краю города, скажем, возле Иерусалимской горы. Мало не опоздать на церковную службу, надо и благочинно стоять в церкви, не слоняться попусту, не болтать, не вертеть головой, а пристально слушать священника, диакона, пономаря и клиросное пение.

Если слабые знания по семинарским предметам всё же прощались, то за неблагочинное стояние в церкви, за дурное поведение студенты сурово наказывались. В классе стояла деревянная бочка с водой, где вымачивали прутья; и всякого семинариста, уличённого в прегрешении, воспитатель по прозвищу Харя мог уложить на лавку и, спустив грешнику штаны, перекрестясь, благословясь, высечь сырыми прутьями. При сѣм утешая: мол, секу не ради мучения, а ради спасения.

Но студента Ивана Попова из Ангинского села Бог миловал от прутьев, поскольку учился сельский паренёк столь успешно, что после всякого ежемесячного собрания, где семинаристов экзаменовали, учителя восторженно писали в журнальной графе сего студента: “Прекрасно!.. Превосходно!.. Отлично!..” А в годовой ведомости из года в год помечали: “Способенъ и прилеженъ. Успеховъ весьма хорошихъ. Поведѣнія честного. На казѣнномъ содержаніи”.

* * *

Коль парнишка девяти лет от роду лишился домашнего крова, материнский ласки, отеческой опеки и любимого села, то жил в семинарии по-сиротски замкнуто и молчаливо.

Иван Барсуков писал: “В семинаріи пришлось прожить мальчику-сироте Ивану Попову 11 лѣтъ; и здѣсь-то раннее сиротство и отсутствіе семейной обстановки отразилось на его характерѣ. Въ семинарии онъ былъ крайне необщителен съ своими товарищами и не только не раздѣлялъ ихъ игръ, но и мало вступал съ ними въ разговоръ. За свою отчуждѣнность онъ долго подвергался насмѣшкамъ и оскорбленіямъ своихъ товарищей, пока своими дарованіями и дѣятельностію не привлёкъ ихъ къ себѣ. Рослый, полный, молчаливый, строгозадумчивый, въ толстой казенной рубашкѣ, без галстука и жилета, часто даже съ открыто широкою грудью, въ неподпоясанномъ казѣнномъ халатѣ, Иван Поповъ рѣзко выдѣлялся отъ своихъ сверстниковъ и невольно обращалъ на себя особое вниманіе”.

От унынья и тоски по родному дому спасался усердными молитвами и тем, что всякое свободное от уроков время охотно и азартно читал книги, учебные и научные. Пустую и скверную болтовню товарищей не слушал и сам попусту не болтал, ибо помнил: ешь пирог с грибами, а язык держи за зубами. За эдакую, как им чудилось, горделивую отчуждѣнность иные злоязыкие семинаристы дразнили сельского увальня; а дразнилки эдакие были в ходу:

Ваня, Ваня, простота!
Купил лошадь без хвоста!
Сел задом наперёд
И поехал в огород.
Съел кочан капусты,
Закричал: “Как вкусно!”
.....
Ванька-встанька карапуз,
Надевай большой картуз,
Каравай съешь хлеба,
Вырастешь до неба!

А коль Ваня был умнее других, то и за это дразнили:

Умница, умница,
Знает вся улица,
Кот Тимошка
Да я немножко...

Мог бы Ваня ответить сельской дразнилкой:

Обзывайся, обзывайся,
Как лягушка раздувайся!
Ква-ква, ква-ква —
Вот и все твои слова!..

А мог бы Ваня, будучи сильнее прочих, дать обидчику по шее, но смалу возлюбил терпение и смирение, хотя и обижался до слёз. Потом вспоминал обидчиков с горьким сожалением, как глупых.

Иван Барсуков писал: “...Иоаннъ Евсеевичъ Веніаминовъ изъ всей своей школьной жизни, при ея грубой и крайне скудной обстановкѣ, вышелъ

чистъ отъ всѣхъ явныхъ и тайныхъ пороковъ бурсы, вынесъ изумительно крѣпкое здоровье и, какъ первый лучшій студентъ, наибольше припасъ себѣ научныхъ знаній, какъ будто предчувствуя, что ему впослѣдствіи понадобится большой запасъ силъ тѣлесныхъ и духовныхъ какъ для борьбы со стихіями, такъ ещё болѣе для успѣшнаго исполненія предлежавшаго ему призванія”.

* * *

Уроки из-за жуткой тесноты проходили в комнатах, где семинаристы спали и ели, хотя жалкие похлѣбки едой-то величать зазорно. Бедно жили Поповы в селе Ангинском, но всё же по-крестьянски запасались на зиму капустой, грибами, ягодами да, вероятно, держали в усадьбе и дойную корову и куриц — вот на обеденном столе и молоко, и яйца. В семинарии же кормили столь худо, что горемычные студенты редко бывали сыты. Спустя годы бывший семинарист Иван Попов с улыбкой писал: “Учился я хорошо, но чистого ржаного хлѣба (безъ мякины) до выхода из семинаріи не пробоваль...”

Семинаристы вспоминали:

— ...Помню, шибко бедно Ваня одевался...

— А куда ему наряжаться, если из библиотеки не выводился?!

— Во, во, всё читал и читал. И богословские книги, и по механике...

— Верно речено, по одежке принимают, по уму провожают...

Бедное житьё не печалило деревенского парнишку, коль с раннего детства привык спокойно и смиренно переносить житейские горести, спасаясь боговдохновенной молитвой и азартным трудом.

Даже утоляя голод хлебом с мякиной и пустой похлѣбкой, прозываемой баландой, Иван Попов не по дням, а по часам наливался силой богатырской. Про эдаких в деревне говаривали: сельский увалень, косая сажень в плечах.

Господь готовил сего семинариста к апостольскому служению на ниве христианского просвещения диких народов Америки, Сибири и Дальнего Востока. Готовил к будущим тяжким трудам и великим подвигам Христа ради, к смертельно опасным путешествиям по морям и океанам, по таёжным сибирским хребтам и заснеженной тундре.

* * *

В семинарии изрядно собралось одноимённых однофамильцев; и, бывало, учитель велит:

— Иван Попов, пройди-ко, любезный, к доске и прочти-ко на память псалом тридцать три, да чтоб от зубов отскакивало...

И три Ивана Поповых вздымаются над партами...

В 1814 году в семинарию приехал новый ректор — архимандрит Павел. Глянул списки семинаристов и схватился за голову:

— О, Господи!.. Да у вас же уйма однофамильцев с одинаковыми именами. Вон сколь Ивановых Иванов...

— Да и Поповых Иванов не меньше, — подсказал учитель. — Такая путаница с одноимёнными однофамильцами...

— Надо что-то придумать...

— Хорошо бы сделать добавку к фамилии, — посоветовал учитель. — С указанием, откуда родом семинарист. Скажем, Иван Попов из села Ангинского. Значит, будет Иван Попов-Ангинский...

— А что, добрая мысль. Так и сделаем.

Вот в семинарии и появились Иван Попов-Ангинский, Иван Попов-Тункинский, Иван Попов-Тайтурский. Выходит, первый Иван — из села Ангинского, второй — из села Тунка, третий — из села Тайтурка — всё известные села Иркутской губернии.

А в 1814 году от Рождества Христова ректор семинарии архимандрит Павел (Некрасов) за превосходные знания в науках, и особо в богословии, присвоил студенту богословия Ивану Евсеевичу Попову фамилию Вениаминов, дабы увековечить имя славного иркутского Владыки Вениамина (Багрянского), что накануне покинул сей мир, почил в Бозе, как говаривали встарь.

О ту же пору семинарское начальство признало фамилии вроде Грязнов, Соплин, Пляскин, Дубинин, Чуркин, Балдаев некрасивыми и порешило, исходя из характера ученика, сменить подобные фамилии на красивые, благозвучные. Так благообразные, боголюбивые ученики обрели фамилии *Благовидов, Малинин, Архангельский*; осанистые, стройные — *Лавровы*, добродушные — *Тихомировы, Миротворцевы*. Лишь Ивану Попову-Тункинскому досталась фамилия *Дулькамаров*, что по-русски звучит *Сладкогорький*, поскольку сей дерзкий студент в старших классах любил выпить горького и полакомиться сладким.

* * *

Ваня Попов тосковал по матери, скучал по братьям и сёстрам, по родному селу. И вот на радость малому из села Ангинского приехал жить в Иркутск его дядя, бывший диакон Ильинской церкви Димитрий Иванович Попов. У сего родича парнишка жил в селе после смерти отца. Дядя, схоронив жену, принял монашеский постриг и жил в архиерейском доме в звании иеромонаха Давида.

Отныне сиротство малого скрашивалось общением с дядей: добрый сродник и в Иркутске с любовью опекал племянника. Будучи ещё и часовым мастером, механиком-самоучкой, иеромонах Давид обучал Ивана ремёслам, разным механическим хитростям и привил племяннику азартный интерес к механике. И в старших классах племянник вместе с дядей мастерил часы и шарманки, а посему о семинаристе Иване Попове пошла слава: самородный механик, золотые руки.

О том свидетельствует и Барсуков Иван в книге о святителе: «Иванъ Вениаминовъ былъ очень дѣятельнымъ юношею: онъ часа не могъ просидѣть праздно, постепенно выработывая изъ себя усидчиваго труженика, относящагося ко всякому дѣлу настойчиво, съ рассудительностію, съ точностію и тщательностію исполненія, чем, конечно, онъ былъ обязанъ первоначальному своему воспитанію подъ руководствомъ своего дяди-механика, что и отразилось въ это время на воспріимчивой натурѣ его также страстію къ механическимъ занятіямъ».

Однажды вышел интересный случай. . .

Тогдашний иркутский владыка, архиепископ Михаил Второй, решил украсить колокольню Спасской церкви большими городскими часами. Но вначале нужно смастерить часы: выточить из металла детали и собрать механизм. Для сего в каменном доме у ворот архиерейского дома поселился славный часовой мастер Клим.

И вот зоркий архиерей высмотрел: в мастерскую Клима похаживает некий семинарист, о чём владыка тут же сурово известил семинарское начальство:

— Это что за студент?.. От занятий, лентяй, отлынивает. Ходит в мастерскую Клима. Прощу выяснить и наказать бездельника.

Семинарское начальство вскоре уведомило владыку, что сей отрок — студент превосходных знаний и честного поведения — посещает мастера Клима не из праздного любопытства, а для познания часовой механики. Владыка поощрил столь полезное увлечение сего семинариста; да и мастер Клим рад добродушному подмастерью, позволяя тому выпиливать шестерни и колеса для будущих городских часов.

* * *

После уроков Иван Вениаминов обычно читал в семинарской библиотеке толстые книги. Прочёл и многотомное сочинение Иоганна Галле «Открытые тайны древнихъ магиковъ и чародеевъ, или волшебные силы природы, въ пользу и увѣселение употреблённые». Несмотря на упоминание в заголовке, в сей книге не водилось магии и чародейства; в сочинении описывались увлекательные опыты — электрические, механические, химические, оптические и прочие, а также медицинские, ветеринарные и хозяйственные советы.

Обучившись часовому ремеслу у дяди Дмитрия Ивановича, у мастера Клима, начитавшись Иоганна Галле, семинарист Иван Попов смастерил водяные

часы и установил за печкой в комнате, где жил с товарищами. Далее вообразим, сочиним сцену, что и прежде творили.

Когда Иван запустил водяные часы, семинаристы заворожённо глядели: вот падают капли, движутся стрелки и всякий час звенит колокольчик... Чудеса!

— Впервые вижу водяные часы, — признался семинарист.

— До семинарии ты и вовсе часов не видел, — усмехнулся приятель. — Из деревни же...

Да, иные студенты, прибывшие из сёл и деревень, сроду не видели часов, которые и в Иркутске-то редко у кого водились.

Позже Иван измыслил ещё и карманные часы; а коли просто мастерились те хронометры, то раздаривал их приятелям. Те восхищались мастерством сельского паренька и больше не дразнили.

— Да ты, Ваня, изобретатель, — хвалил товарищ. — Видно, голь на выдумку горазда...

— Да у тебя, Ваня, золотые руки, — похвалил и другой товарищ. — Что угодно смастеришь: хоть часы, хоть шарманку...

Иван учился в семинарии одиннадцать лет и в старших классах, а потом и рукоположённый во диаконы и священники мастерил часы и шарманки, от продажи которых семья жила, не бедствуя.

Любовь к ремеслу часовщика Иван Вениаминов сохранил на всю жизнь; и даже будучи епископом на американском острове Ситха, смастерил часы для колокольни Михайло-Архангельского храма. Часы служили людям уйму лет; и уж колокольня от старости покосилась, а часы били верное время.

Случалось, знакомые просили будущего святителя починить часы; и тот по доброте охотно соглашался. С интересом изучал и чинил; а часы попадались разные: карманные, настенные либо настольные; изготовленные в России либо в Европе.

* * *

Превосходно учился и семинарист Прокопий Громов, будущий друг и соратник отца Иоанна Вениаминова на апостольском поприще. Прокопий Васильевич с любовью воображал: меж двумя колыбелями — сотни сибирских вёрст, но Промысел Божий связал их незримой нитью, ибо грудным чадам, что качались в тех колыбелях, “прѣдзначено повстрѣчаться на пути жизни и идти объ руку чрезъ всю жизненную стѣзю” (П. Громов). Более сего, Прокопий Громов, будучи священником, сподобился написать книгу о семинарском друге, озаглавив сочинение “Припоминания современника о высокопреосвященном Иннокентии, митрополите Московском”. Книга сия, равно и сочинение Ивана Барсукова, — первостепенные источники сего очерка.

Дружба меж студентом богословия Иваном Поповым-Ангинским и студентом философии Прокопием Громовым сложилась лишь спустя некое время, ибо Иван, по натуре замкнутый, с семинаристами мало общался, да и был постарше Прокопия почти на четыре года. Иван и поступил в семинарию годом раньше, а посему учился и классом старше. Общение же старших студентов с младшими сурово пресекалось семинарским начальством. Тем паче рядом с рослым и полным Иваном, похожим на дородного мужа, щуплый Прокопий выглядел подростком.

Сближению помог случай. Ректор семинарии решил слить богословский и философский классы, и парты, где сидели Иван и Прокопий, оказались рядом. Прокопий, словно предчувствуя будущую дружбу и будущие совместные труды на поприще христианского просвещения туземцев, пристально вглядывался в Ивана, вечно задумчивого, молчаливого, уже овеванного семинарскими легендами.

Священнослужитель Иоанн Вениаминов

Церкви иркутской епархии, особо сельские, остро нуждались в священниках, диаконах, пономарях, причетниках, но увы, со вздохом вспоминал Прокопий Громов, ещё не было толкового распределения выпускников семинарии по церковным приходам. А посему иные семинаристы, не доучившись, “убоясь бѣздны прѣмудрости, шли в дьячки и пономари къ сѣльскимъ

церквамъ — на свободу”. Иные, будучи семинаристами, уже служили причетниками в иркутских церквях, а случалось, и женились, рукополагались в диаконы и священники. “И не въ диковину было видеть въ богословскомъ классе учениковъ въ рясахъ”.

За год до выпуска ласковым апрельским днём 1817 года двадцатилетний семинарист Иван Вениаминов обвенчался в Иркутской Благовещенской церкви с Екатериной Шариной, дочерью приходского священника.

О ту пору в семинарию пришёл запрос из Московской духовной академии, дабы Иркутск выслал для дальнейшего обучения двух семинаристов честного поведения и превосходных знаний. Ректор избрал Ивана Вениаминова и Прокопия Громова и уже собирался оповестить их, осчастливить столь радостной вестью. Но жил ректор в Вознесенском монастыре на левом берегу Ангары, семинария же — на правом берегу. А по вешней реке, надолго разлучив монастырь с городом, шёл лёд, ночью замерзая, в полдень опять оживая. И посему ректор долго не мог переплыть на лодке из монастыря в город. Не мог попасть в семинарию, а значит, не мог и сообщить Вениаминову, что решил послать его в Московскую духовную академию.

Увы, не ведая о сём, 29 апреля 1817 года студент богословия Иван Вениаминов обвенчался с Екатериной Шариной, а женатых в академию не брали. И вместо него в Московскую духовную академию послали семинариста Константина Шастина. Долго жалел Иван, что рано женился и лишился академического образования. Впрочем, постигая Святое Писание и сочинения святых отцов, обрёл знания, кои даже превосходили академические.

Позже бывший семинарист с грустью писал, отзываясь на публикацию Прокопия Громова: “Самъ авторъ статьи, по случаю которой я пишу это, скажетъ, что ему не съ кѣмъ другимъ, а со мною пришлось бы ѣхать въ академию, если бы я уже не былъ женатъ въ то время, когда пришло распоряженіе прислать изъ Иркутской семинаріи двухъ учениковъ; и тѣмъ болѣе, что самъ ректоръ нашъ имѣлъ меня въ виду на этотъ случай, какъ онъ это высказалъ мнѣ послѣ. А почему онъ не остановилъ моей женитьбы, то причиною этого былъ весьма рѣдкій и даже необыкновенный случай, а именно: рѣка Ангара, отдѣляющая семинарію отъ монастыря (гдѣ жилъ нашъ ректор и откуда онъ во всѣ учебные дни пріезжалъ въ семинарію на цѣлый день), въ тотъ годъ (1817) при вскрытіи своемъ на многіе дни прекратила всякое сообщеніе монастыря съ городомъ. Лѣдъ на ней сначала прошёлъ, было, почти совсѣмъ, а потомъ опять остановился на нѣсколько дней и такъ плотно, что извѣстный тогда въ Иркутскѣ монастырскій послушникъ Иванушко перешёлъ чрезъ него съ одного берега на другой. А въ это время мнѣ пришла мысль жениться, и я успѣлъ подать просьбу, безъ позволенія отца ректора получить видъ на женитьбу и даже начать сватовство. Не будь этого случая — тогда, конечно, ректоръ не позволилъ бы подавать мнѣ просьбы о женитьбѣ. И тогда мнѣ пришлось бы ѣхать въ академию, а не въ Америку. Но видѣе всего оказалась воля Божія о мнѣ при перемѣщеніи моемъ изъ Иркутска въ Уналашку, т. е. въ Америку”.

В Московской духовной академии почастливилось учиться семинаристам Прокопию Громову и Константину Шастину. Дотоле ни один иркутянин не удостоился столь высокой чести. За тихий нрав ректор переименовал Шастина в Тихомирова, но тот в будущем всё же оставил родовую фамилию.

Семинариста же Ивана Вениаминова 13 мая сего года рукоположили во диакона Градо-Иркутской Благовещенской церкви, и отныне иркутяне величали юного диакона по-церковному: Иоанн. По завершении учения его, знаниями превосходящего всех студентов семинарии, поставили ещё и учителем I-го класса церковно-приходского училища и преподавателем церковного пения в духовной семинарии.

* * *

Промысел Божий уготовил Иоанну (Вениаминову) не академию, а тяжкий, но величавый и святой путь христианского просветителя язычников, а посему по воле Божией и случился его брачный венец после обручения с поповской дочерью Екатериной Шариной.

Вижу сквозь века обручение раба Божия Ивана с рабой Божией Екатериной, кои благоговейно замерли с горящими свечами пред церковным аналоем. Слышу: батюшка кольцом трижды запечатлел крест на лбу Ивана и огласил:

— Обручается раб Божий Иоанн рабе Божией Екатерине во имя Отца и Сына, и Святаго Духа, аминь!

А затем кольцом трижды начертал крест и на лбу побледневшей невесты:

— Обручается раба Божия Екатерина рабу Божию Иоанну...

Батюшка, принимая от диакона золочёные венцы, поочерёдно крестообразно осеняя ими жениха и невесту, дал поцеловать венцы и возложил их на главы венчаемых.

— Венчается раб Божий Иоанн рабе Божией Екатерине во имя Отца и Сына, и Святаго Духа, аминь!.. Венчается раба Божия Екатерина рабу Божию Иоанну во имя Отца и Сына, и Святаго Духа, аминь!..

Благочестивая дочь священника Иоанна (Шарина), невеста талантливого и мастеровитого диакона, вряд ли провидела, что после венца её ждут великие тяготы и лишения Христа ради и что она, жена великого христианского просветителя, рука об руку с богоданным мужем в терпении, любви и мольбе смиренно пронесёт сей тяжкий, святой крест до скончания короткого житейского века.

Из десятирёх детей четверых матушка родила в Иркутске; но, увы, трое померли в ангельском младенчестве и, очевидно, упокоены на Иерусалимском погосте. Слава Богу, выжил четвёртый — Иннокентий, любовно прозванный Кеней.

В 1839 году богоданный супруг Екатерины Ивановны, священник Иоанн (Вениаминов), гостил в Санкт-Петербурге, где встречался с митрополитом Петербургским Серафимом и обер-прокурором Святейшего Правительствующего Синода графом Николаем Александровичем Протасовым. Обладая богатыми познаниями в различных науках, изучая обычаи, обряды, поверья североамериканских туземцев, о. Иоанн создал очерк «Мифологические предания колошей, обитающих на северо-западном берегу Америки» и опубликовал в петербургском журнале «Сын Отечества». Посетил о. Иоанн и Белокаменную, где беседовал с Филаретом (Дроздовым), митрополитом Московским и Коломенским, где батюшку из Уналашки возвели в сан протоиерея.

Тем временем, а именно 24 ноября сего же года, богоданная супруга о. Иоанна, Екатерина Ивановна Шарина предала Богу душу и, отпетая в иркутской кладбищенской церкви, погребена на Иерусалимском погосте.

А через год по смерти жены о. Иоанна постригли в монашество с именем Иннокентий, в честь Иннокентия (Кульчицкого), первосвятителя Иркутского; и 13 декабря 1840 года, согласно решению Святейшего Синода об открытии епархии в Америке и Восточной Сибири, с подчинением кафедре Камчатских и Охотских церквей, в Казанском соборе города Санкт-Петербурга инок Иннокентий хиротонисан во епископа Камчатского, Курильского и Алеутского. По сему поводу святитель Иннокентий писал: «Нѣтъ, не смерть жены моей открыла мнѣ путь къ архіерейству, потому что она померла ровно за годъ до того, и именно 24-го ноября 1839 года. До 6-го ноября 1840 года, т. е. до того времени, какъ я сталъ собираться ѣхать въ Америку, ни рѣчи, ни мысли не было ни у кого объ учрежденіи архіерейской кафедры въ Америкѣ...»

* * *

Но вернёмся в иркутскую семинарию... Погружённый в богомыслие, учение и труды, сроду не сидящий праздной сложа руки, сын прибайкальского пономаря, очевидно, и не ведая сего, усердно готовился к великой и трудной стезе — христианскому просвещению языческих племён Америки, Сибири и Дальнего Востока.

Позади семинария, впереди пастырские труды... В церквях, бывало, рукоположат во диаконы, глядишь, год не прошёл, а тот уже сменил диаконский стихарь на епитрахиль священника. Но диакон Иоанн (Вениаминов), с превосходными знаниями завершивший духовную семинарию, рукоположённый в диаконы в мае 1817 года, лишь спустя четыре года обрёл священнический сан.

После сего о. Иоанн служил в Благовещенской церкви ещё два года и создал воскресную школу, где толковал прихожанам, особо отрокам и отроковицам, Святое Писание и жития святых. А сия церковь во имя Благовещенья

Пресвятой Богородицы, входящая в число самых величавых церквей Иркутска, красовалась на перекрёстке улиц Большой и Благовещенской. Церковь построена в 1785 году усердием иркутских купцов и прочих благодетелей. В 1888 году на средства иркутских купцов С. И. Тельных, А. Ф. Дунаева, И. С. Котельникова была заложена вторая каменная четырёхпрестольная Благовещенская церковь, строительство которой завершилось в 1890 году. Увы, в 1931 году великолепнейший иркутский храм порушили большевики, исповедники дьявольского богохульства и богоборчества, а на храмовой земле вырос тоскливо-серый жилой дом.

Хотя и молод о. Иоанн, но за два года службы в Благовещенском храме обрёл столь горячую любовь прихожан, что те прощались со слезами, когда батюшка покидал их. А покинуть пришлось, но о том позже. А пока вообразим: две прихожанки выходят из Благовещенской церкви после Божественной литургии и хвалят о. Иоанна:

- Столь красиво служит, что я аж прослезилась...
- Божественно служит... А до чего же умён батюшка наш! Слушала проповедь – ну, словно Святое Писание читала...
- А какой чуткий, хоть и молодой... И старых, и малых – всех выслушает. Посоветует...
- Верно, добрейшая душа...
- А уж как его малые детки любят! Внук в воскресной школе учится. Однажды заглянула на урок. Сидят, слушают батюшку, не шелохнутся...

В ноябре 1822 года, похвально окончив Московскую духовную академию, вернулся в Иркутск семинарский товарищ о. Иоанна Прокопий Громов, приглашённый в семинарию учителем еврейского языка и церковной истории. Товарищество их переросло в дружбу, что с любовью во Христе и с писательским даром запечатлел Прокопий Громов в исторической книге «Припоминания современника о высокопреосвященном Иннокентии, митрополите Московском». С восхищением писал новоиспечённый кандидат богословия о семинарском товарище:

“Благовещенскій священникъ, отъцъ Иоанн Вениаминов, за свой ум, за нравствѣнную жизнь, за послушаніе, за особенную чинность въ отправленіи Богослужѣнія, и въ особенности за дѣло учительства, пользовался ужѣ въ это врѣмя общимъ уваженіемъ не только прихожан, но и города. А дѣланіе часов, вполне имъ усвоенное, и устройство шарманокъ с духовными гимнами для любителей обеспечивали его материальное положеніе. Любилъ я бывать для молитвы в Благовещѣнской церкви, где благоговейное служѣніе отца Иоанна бралъ себе за образецъ для будущаго своего служенія во священническомъ сане. Случалось, что отецъ Иоанн бывшему соучѣнику, а тѣперь наставнику в семинаріи, с почѣтомъ выслалъ просфору, которую принималъ я съ благоговеніемъ”.

Прокопий Громов пять лет учился в Московской духовной академии, и пять лет Иоанн (Вениаминов), будучи в Иркутске, помогал его матери, что жила весьма скудно, а то и вовсе бедствовала. Прокопий с благодарностью написал в сочинении о благодетеле: “Я въ молитве своей зачислилъ его [о. Иоанна (Вениаминова)] кормильцѣмъ [моей матери]...”

И другом, и пожизненным духовным светочем стал для Прокопия Громова приходской батюшка Иоанн (Вениаминов), в будущем – епископ, архиепископ Иннокентий, владыка бескрайней сибирской епархии.

Выборы священника в Америку

21 августа 1732 года от Рождества Христова русские путешественники на корабле “Святой Гавриил” пришли на север Америки. И под командой Ивана Фёдорова и Михаила Гвоздѣва открыли полуостров Аляску, куда вскоре явились русские охотники и купцы. Побывали на Алеутских островах, и в 1772 году родилось первое русское поселение на алеутском острове Уналашка, где основалась база Российско-американской компании. Русские охотились на морских зверей и торговали с жителями Аляски – алеутами и эскимосами, а в просторечии – с туземцами.

Вскоре на североамериканские острова приплыли на кораблях и православные миссионеры – священники и монахи, которые строили церкви,

учили туземцев православной вере и крестили во Христа, иногда окуная прямо в океан.

И вот Иркутскому епископу Михаилу (Бурдукову) в начале 1823 года пришло повеление Святейшего Синода послать священника на остров Уналашку Алеутского архипелага, где уже окрепла русская колония и Российско-Американская компания.

Владыка выискивал священника, согласного послужить на Алеутских островах, либо диакона, чтобы рукоположить того во священника, но сколь ни упрашивал, желающего ехать в Уналашку не выискал. Иные страшились путешествия, ибо долгим и тяжким был путь до Северной Америки. Вначале по реке Лене до Якутска на паузке. Потом более тысячи вёрст верхом на лошадях до города Охотска. А там Богом забытый край: якутская тайга и тундра; крутые таёжные хребты, бездорожье, морозы дикие – птицы на лету замерзают, метели свирепые – горы снега наметают, можно и замёрзнуть в снегах; а колёса еда кончится, то и голод одолеет. А потом плыть от города Охотска до Америки больше месяца; а шторм налетит да разобьёт корабль в щепки, вот сгинешь бесславно в пучине морской.

В памяти иркутского духовенства ещё жила весть о том, как четверть века назад погиб архимандрит Иоасаф (Иван Ильич Болотов в миру), будучи лишь тридцати восьми лет от роду... Сей славный христианский просветитель, епископ Кадыякский, викарий Иркутской епархии, возглавлял североамериканскую духовную миссию, коя тысячами приобщала ко спасительной православной вере туземцев.

История зарождения духовной миссии такова...

4 мая 1783 года славные русские купцы-компаньоны Иван Ларионович Голиков* и Григорий Шелихов** били челом императрице Екатерине, дабы “в найденной ими северной части Америки основать и умножить христианский закон”. Императрица повелела Святейшему Синоду учредить Североамериканскую Кадыякскую миссию, кою возглавил иеромонах Валаамского монастыря Иоасаф. О сём иноке похвально отзывался игумен Валаамский Назарий, славный своей святостью. Иоасафа произвели в архимандриты, и Синод повелел “пребывание иметь на острове Кадыяке”. В начале 1794 года Григорий Шелихов снабдил миссию на три года всем необходимым и сопровождал из Иркутска в Охотск и на североамериканский остров Кадыяк, где Российско-Американская компания уже имела поселение. Миссионеры срубили церковь, приходскую школу и после усердных проповедей Слова Божия за два года окрестили более 10 тысяч язычников. Слава Кадыякской миссии донеслась до Святого Синода, который учредил Кадыякское викариатство в Иркутской епархии, и первым Кадыякским епископом стал архимандрит Иоасаф.

10 апреля 1799 года Иркутский епископ Вениамин посвятил архимандрита Иоасафа во епископа, после чего тот выехал на остров Кадыяк. “Утром 25-го августа шли послѣдніе приготовления къ отплытію фрегата “Фениксъ” отъ причаловъ Охотскаго порта. Съ многочисленною свитою и богатою архіерейскою ризницею возвращался новопосвящённый епископъ Кадыякскій Иоасафъ къ своей паствѣ. Кромѣ епископской свиты, на кораблѣ отправлялись 70 промышленныхъ. 26-го августа “Фениксъ” поднялъ якоря и, не доходя до Кадыяка, исчезъ, найдя свой конецъ въ океанскихъ водахъ подъ ударами осеннихъ штормовъ” (Иван Барсуков). По догадкам бывалых мореходов, корабль потерпел крушение, не доходя острова Кадыяк, и штормовые волны поглотили новообращённого епископа Иоасафа со свитою, а также семьдесят промысловиков.

* Иван Илларионович (Ларионович) Голиков (22 ноября 1735 – 17 ноября 1805) – курский купец 1-й гильдии, иркутский иногородний купец, курский именной гражданин, компаньон Г. И. Шелихова, один из основателей создания Российско-Американской компании. На средства Голикова в 1783 году были совершены экспедиции Шелихова на Аляску по освоению “Русской Америки”.

** Григорий Иванович Шелихов (1747 – 20 июля 1795) – русский купец, предприниматель, один из первых исследователей Курильских островов и Аляски. Родился в городе Рыльске, в 1775 году переселился в Сибирь. В поисках пушнины (главным образом морских бобров и котиков) добрался до Охотска и, вступив в компанию с местными купцами, снарядил зверобойное судно, на котором в 1777 году отправился к Курильским островам.

Вот почему, когда выбирали миссионера на остров Уналашка, некие священники и диаконы убоялись морского пути и отказались. А иные, не страшась сего, страшились враждебных туземцев, коим доведётся проповедовать Слово Божие; и в страхе своём честно сознавались епископу Михаилу:

— Боюсь, владыка, диких людей... Говорят, туземцы рыскают, аки волки. Того гляди, и побьют... Помните, иеромонах Иувеналий учил и крестил туземцев на Аляске. А в 1796 году дикие люди его и убили...

— Но иеромонах Иувеналий принял мученический венец Христа ради, и в Царстве Небесном обитает душа святого мученика.

— Всё одно, страшусь, владыка...

Не менее диких туземцев диаконы и священники боялись американских и камчатских правителей, ходила зловещая молва: лютуют, деспоты... До Бога высоко, до царя далеко, а посему твори, что душе угодно, притесняй челядь.

Избранные священники, диаконы, не пугаясь штормового моря, дерзких туземцев и лихих правителей, готовые пострадать за Христа, не чуяли в душе миссионерских дарований.

Исходя из сих опасностей, иркутские священнослужители и церковнослужители поголовно отказались ехать на остров Уналашка для христианского просвещения алеутов. Отчаявшись, владыка Михаил призвал четырёх диаконов, велел бросить жребий, и кому выпадет, покорно нести сей апостольский крест — служить на Алеутских островах. В архиерейской канцелярии прочли главу из книги “Деяния апостолов”, где повествуется о том, как ученики Христа, избранные Спасителем в апостолы, бросали жребий — выбирали вместо отпавшего Иуды двенадцатого апостола, коим стал Матфий. Подобно святым апостолам, и сибирские диаконы, помолясь, перекрестясь, положась на волю Божию, бросили жребий. Жеребьёвка могла выглядеть просто: епископ Михаил кинул в шапку четыре бумажки: три — чистые, а на заветной — слово “Уналашка”.

Выбор пал на соборного диакона Малинина, семинарского товарища и нынешнего приятеля Иоанна (Вениаминова). Малинин наотрез отказался: дескать, престарелые родители и хворая жена. Владыку сии доводы не убедили, и тогда Малинин в сердцах выпалил:

— Да я лучше пойду в солдаты, чем поеду в Америку!

— И будешь солдат! — столь же осерчало ответил владыка. — Коль не подчинился воле Божией...

И словно в воду глядел: Малинин, из диаконов рукоположённый в священники, вскоре лишился сана, служил солдатом и помер в Красноярске.

О. Иоанн с жалостью вспоминал Малинина:

— Тот, кому пал жребий (бывший мой товарищ по семинарии и короткий приятель), отказался... Помер ещё в 1839 году в Красноярске — солдатом, горько раскаиваясь в своём упрямстве.

Истинно, в покаянных слезах горько сокрушался солдат, что, не подчинившись воле Божией, не поехал на Алеутские острова. А якобы “хворая” жена Малинина долго жила и после смерти несчастного супруга.

На жеребьёвку владыка думал пригласить и благовещенского батюшку о. Иоанна (Вениаминова), о чём оповестил того, а накануне жеребьёвки передумал и не позвал. Батюшка огорчился и даже отчаялся, словно предчувствуя, что именно ему Господь судил служение в Америке.

Хотя поначалу о. Иоанн воспротивился, вопрошая себя: зачем целый год волочиться в Америку?! Зачем ехать к диким туземцам, коли и в Иркутске славно живётся?! Епископ Михаил высоко ценил молодого священника, а иркутяне искренно любили. Батюшка, изготавливая на продажу часы и шарманки с духовными гимнами, жил справно и даже купил добротный дом, а посему и отказался ехать в Уналашку.

Случай близко свёл благовещенского батюшку с Иваном Крюковым, который намеренно прикочевал из Алеутских островов, где сподобился или умудрился сорок лет прожить среди островных туземцев, прозванных алеутами. По приезде в Иркутск сей путешественник оказался в приходе Благовещенского храма, и батюшка Иоанн стал его духовным отцом и духовником семейства. Два Ивана подружились, и Крюков подолгу вспоминал Северную Америку, восхищённо живописуя алеутов: дескать, смышлёны, простосердечны, беззлобны и, обретя веру Христову, любят Всевышнего восторженной любовью,

а ради ближнего готовы, не колеблясь, отдать последнюю рубашку. Словом, бывший алеутский житель настойчиво советовал о. Иоанну ехать в Уналашку.

Но батюшка пока был ещё глух к советам Ивана Крюкова, что и запечатлел в воспоминаниях:

“...Чего-чего не рассказывал онъ мнѣ и объ Америкѣ вообще, и объ Алеутахъ въ особенности, и чѣмъ-чѣмъ онъ не убѣждалъ меня ѣхать въ Уналашку; но я былъ глухъ ко всѣмъ его рассказамъ, и никакія убѣжденія его меня не трогали. Да и въ самомъ дѣлѣ, могъ ли я или былъ ли мнѣ какой расчётъ, судя по-человѣчѣски, ѣхать Бог знает куда, когда я былъ въ одномъ изъ лучшихъ приходоу въ городѣ, въ почѣте и даже любви у своихъ прихожанъ, въ виду и на счету у своего начальства, имѣлъ уже собственный свой домъ, получалъ доходу болѣе, чѣмъ тотъ окладъ, который назначался въ Уналашке? И потому, когда, по распоряженію покойнаго преосвященнаго Михаила, были спрошены всѣ священнослужители по всей епархіи: не пожелаетъ ли кто ѣхать в Уналашку, и если не пожелаетъ, то почему именно? — в числѣ прочихъ подписался и я, что не желаю занять это мѣсто по причинѣ отдалённости. (...) Могу ли... послѣ этого я, говоря по всей справедливости, вмѣнить себѣ въ заслугу или считать за подвигъ то, что я поѣхалъ въ Америку? Равнымъ образомъ могу ли я присвоить собственно себѣ что-либо изъ того, что при мнѣ или чрезъ меня сдѣлалось доброю и полезною въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ я служилъ? Конечно, нѣтъ; по крайней мѣрѣ — не долженъ. Богъ видитъ, какъ тяжело мнѣ читать или слышать, когда меня за что-либо хвалятъ и особенно когда сдѣланное другими или, по крайней мѣрѣ, не мною однимъ приписываютъ мнѣ одному. Признаюсь, я желалъ бы (...) чтобы и нигдѣ не упоминалось моё имя, кромѣ обыкновенныхъ перечней...”

После пустой жеребѣвки, после вопроса всехъ диаконовъ и священниковъ владыка уже не ведал, какъ исполнить повеление Священнаго Синода, ибо не пошлѣшь же насильно диакона либо священника на Уналашку. И тут неожиданно предъ его очами является о. Иоанн (Вениаминов) и горячо просит:

— Ваше Преосвященство, владыка, отправьте меня в Америку...

Помня о томъ, что опрошенные диаконы и священники безъ сомнения отказались ехать на Уналашку, что и сей батюшка ранее отвергъ предложение, владыка Михаилъ в изумлении замер, не сводя удивлённаго взора съ благоуспенскаго священника. Преосвященный дорожилъ образцовымъ иерею и даже слегка огорчился, услышавъ сие прошение.

— И что же побудило вас, батюшка? — спросилъ владыка.

О. Иоанн поведал: дескать, вдругъ загорелась душа при мысли, что, можетъ, подобно святымъ апостоламъ, доведётся проповѣдовать слово Божіе язычникамъ — алеутамъ и прочимъ туземцамъ Северной Америки. Его уже не пугало долгое и тяжкое путешествие; не страшили лютые северные морозы, снежные метели, морскіе штормы и дикіе туземцы. А если Богу угодно, священникъ былъ готовъ и погибнуть за Христа. Хотя поначалу восторженные рассказы Ивана Крюкова объ Уналашке и о насельникахъ сего алеутскаго острова не коснулись его души.

Позже о. Иоанн вспоминалъ: “Но когда этотъ же выходецъ [Иванъ Крюков], — уже простившійся со мною совѣмъ — въ тотъ же самый день при прощаніи своёмъ съ Преосвященнымъ (у котораго мнѣ случилось быть въ то время, — и даже въ гостиницѣ, что было со мною въ первый разъ) сталъ рассказывать объ усердіи Алеутовъ къ молитвѣ и слушанію слова Божія (...) я вдругъ и, можно сказать, весь загорѣлся желаніемъ ѣхать къ такимъ людямъ. Живо помню и теперь, какъ я мучился нетерпѣніемъ, ожидая минуты объявить моё желаніе Преосвященному...”

Выслушавъ о. Иоанна, владыка Михаилъ вновь удивлённо огляделъ батюшку, словно ещё надеясь удержать священника, коего столь горячо возлюбили прихожане Благоуспенскаго храма. Потомъ задумчиво промолвилъ:

— Посмотрим...

Но смотри, не смотри, а молодой священникъ уже спалъ и виделъ себя среди алеутовъ, коихъ погружаетъ въ крещальную купель Берингова моря... Долго колебался владыка Михаилъ, напоминая о. Иоанну, что на его попеченіи мать-старушка, жена съ груднымъ чадомъ и родной братъ. Посильно ли имъ путешествие на торговомъ паузке по Лене, затемъ верхомъ на лошадяхъ по горнымъ и таѣжнымъ тропамъ отъ Якутска до Охотска и потомъ на кораблѣ до Алеутскихъ острововъ? И ведь эдакое тяжкое путешествие растянется почти на годъ и более...

Но коль благовещенский батюшка горячо отстаивал своё стремление на Алеуты, преосвященный благословил отважного священника на апостольское служение.

Позже в печати хвалили о. Иоанна (Вениаминова) за то, что отважился ехать за тысячи вёрст к диким туземцам, на что батюшка, не терпящий похвал, отвергал свои заслуги, считая подобное лишь заурядным исполнением воли Божией: “Пусть мой примеръ будетъ новымъ доказательствомъ той истины, что отъ Господа исправляются челоѳку пути его и что все мы, служители Церкви Его, и не что иное, какъ орудіе въ рукахъ Его. Ему угодно было назначить мнѣ поприще служения в Америке — и это исполнилось, несмотря даже на противвлѣніе воли моей”.

А уж как противились сему поприщу домочадцы о. Иоанна — жена, кормящая грудного сына, и старенькая мать... Возвращаясь домой от владыки Михаила, со вздохом благословившего на миссионерское служение в Америке, отец Иоанн думал, как поведать о сѣм жене и матери, чтобы семейство не противилось воле Божией. И дома, прежде чем ошеломить домочадцев, батюшка подхватил на руки сына и, целуя, спросил:

— Кеня, Кеня, — так ласково звали сына Иннокентия, — где ноги твои будут ходить?..

Услышав сие, Фёкла Саввишна и Екатерина Ивановна догадались: ноги отрока Кени будут ходить по алеутскому острову; и верно, о. Иоанн велел матери и жене собираться в Америку. Те всполошились и долго, слѣзно умоляли одуматься, отказаться от столь трудного, смертельно опасного путешествия за тридевять земель; отказаться и от служения на Алеутских островах, где воинственные туземцы, дикіе морозы и свирепые шторма.

“Слыхалъ я о миссіонерахъ, о дальнихъ путешествіяхъ для просвѣщенія язычниковъ, — вспоминалъ отецъ Иоанн, — но никогда на это дѣло не обращалъ особеннаго вниманія. Но вотъ получаю я вмѣстѣ съ другими отъ епархіального начальства письменное приглашеніе на миссіонерское служеніе на Алеутскіе острова. Только прочиталъ я его, какъ будто бы что поворотилось въ моей груди, и я тутъ же объявляю своимъ домашнимъ: я ѣду! Ни слѣзы родныхъ, ни совѣты знакомыхъ, ни описанія трудностей дальняго пути и ожидающихъ меня лишеній — ничто не доходило до моего сердца; какъ будто огонь горелъ в моей душѣ, и я легко расстался съ родиной и не чувствовалъ трудностей утомительнѣйшаго путешествія. (...) Виднѣ всего казалась воля Божія о мнѣ при перемещѣніи моёмъ изъ Иркутска въ Уналашку, то ѣсть в Америку...”

Коль слѣзные мольбы не поколебали решимость о. Иоанна, то жена Екатерина Ивановна и мать Фёкла Саввишна смирились, уповая на милость Божию.

В Иркутске у четы Вениаминовых родились четверо детей; трое предали Богу душу во младенчестве и упокоены на Иерусалимском погосте, а на Алеутские острова вместе с о. Иоанном выехали старенькая мать, жена с грудным чадом, её сестра Мария и брат батюшки Стефан Евсеевич Попов, двадцати лет от роду. О сѣм юноше Прокопий Громов писал: “Оказавшись мало способнымъ продолжать науки въ семинаріи, онъ былъ взятъ о. Иоанномъ въ Америку въ званіи причѣтника...”

Однако Стефан, брат отца Иоанна, как выяснилось в будущем, оказался весьма незаурядной личностью. Судьба его сложилась так: в 1833 году, женившись на чистокровной алеутке, Стефан вернулся в Иркутск и, рукоположенный во священника, служил в селе Качуг, что поблизости от родного Ангинского села. “Когда же послѣдовал призывъ в Камчатку, то он первый изъявил желаніе туда ѣхать по тому убѣжденію, что жена его, привыкшая дышать морскимъ воздухомъ, безъ сѣго воздуха изнемогла и в почивающей на моряхъ Камчатке надѣялась получить облегченіе...” На камчатской земле отец Стефан выбрал дивный холм для церкви и, мастерски владея топором и пилой, обучал плотницкому и столярному ремеслу камчадалов. А потом затеял изготовленіе кирпича и в свѣжесрубленной избе показал аборигенам, как сложить печь. Мало того, отец Стефан, уподобившись старшему брату, освоил и прочіе ремѣсла и стал известным среди камчадалов как учитель, часовой мастер, портной, сапожник, хлебопѣк.

Но вернёмся в Иркутск... 7 мая 1823 года от Рождества Христова о. Иоанн (Вениаминов), очевидно, отслужил Божественную литургию в родном

Благовещенском храме; и после молебна путешествующим церковный притч и прихожане храма со слезами прощались с батюшкой. А уж возницы запрягли лошадей в телеги. . . И в сей же день, помолясь Николаю Угоднику, святому покровителю путешествующих, уложив на телеги дорожные сумы, семейство Вениаминовых выехало из Иркутска и продолжило путь по Якутскому тракту.

Впереди тысячи тягостных вёрст до Алеутских островов, где путешественники окажутся лишь через шесть месяцев, а на острове Уналашка — лишь через год и два месяца. А пока — дорога в родное село Ангинское. . .

Возницы не погоняли лошадей, и телеги под мягкий перестук копыт, скрип тележных колёс, обильно смазанных дёгтем, словно плыли мимо лесов и полей. И путники, умиляясь, забывая о будущих путевых тяготах, любовались майскими лесами и полями. Придорожные березняки и осинники в юной и нежной листве, словно в зеленоватом мареве, а поля уже светлились вешними травами, и на солнечных опушках алым заревом цвели жарки.

Долго ли, коротко ли, но телеги въехали в село Ангинское, и, вообразим, Фёкла Саввишна вглядывалась в родные сельские избы, поминала мужа Евсевия Ивановича, которого давным-давно схоронила на Ангинском кладбище. А сын её издалека увидел родную Ильинскую церковь, где шестилетним на Рождество Христова читал Псалтирь, и жители села в умилении слушали, не веря ушам, дивясь эдакому чуду.

А вот и родная изба; здесь отец учил читать его, четырёхлетнего малого, и здесь семейство путешественников радушно встретили родичи. Повидавшись с роднёй, отдохнув, накормив лошадей, о. Иоанн в родной Ильинской церкви отслужил напутственный молебен с тамошним батюшкой. Затем, приложившись к иконе Николая Угодника, покровителя путешественников, семейство на телегах выехало к реке Лене. На речной пристани в селе Качуг погрузились в паузок, дабы сплавиться вниз по течению к городу Якутску.

* * *

После тряской, ухабистой дороги плыть по широкой и тихой реке — истинная усада. Под колыбельное покачивание паузка, под всплески воды за кормой путников одолевала сладостная дрема, и словно в цветном, певучем сне проплывали мимо, зеркально отражаясь в реке, скалы и утёсы, таёжные хребты, поросшие могучими кедрами, широкие распадки и долины, где на высоких станových берегах красовались деревенские избы, паслись в лугах кони и коровы, чернели вспаханные нивы.

Плаванье по Лене до Якутска поминалось как благодать Божия в сравнении с дорогой до города Охотска. Хотя можно ли повеличить дорогой извилистые тропы в якутской тайге, живо описанные славным историком Иваном Барсуковым: “Изъ Якутска до Охотска отецъ Вениаминовъ съ семьёй ѣхалъ верхомъ на лошадяхъ болѣе 1000 вёрстъ. Тутъ дорога совершенно измѣняетъ свой видъ: то приходилось ему ѣхать извилистыми тропинками, пролегающими сквозь густой лѣсъ, проросший кустарникомъ, или чрезъ болото, въ которомъ лошадь вязнетъ по брюхо; то взбираться на длинный косогоръ или на крутую каменистую гору и пролагать путь по снѣжной вершинѣ; то спускаться прямо в рѣку; то подыматься на распавшуюся скалу, гдѣ съ осторожностью пробирается по острому камешнику бесподковный конь... Не дай Богъ (...) быть застигнуто на дорогѣ продолжительными дождями: въ это время болота дѣлаются непроходимыми, рѣки разливаются...”

Ладно, верхом на лошадях ехать о. Иоанну и его брату Стефану — молодые, крепкие мужики, а каково же месяцами трястись в седле старенькой Фёкле Саввишне да Екатерине Ивановне с грудным дитём?! А посему возликовали их измученные души, когда, будучи ещё на таёжной тропе, путешественники ощутили бодряще прохладный и влажный ветерок, а потом услышали глухой рёв морских волн, что яростно бились о грозные и мрачные скалы. Значит, до города Охотска рукой подать. И верно, вскоре увиделись мачты кораблей, стоящих на реке Охоте, а потом показался и сам портовый город. . .

Из Охотска вышел корабль Российско-Американской компании “Константин”, на котором семейство Вениаминовых пересекло Охотское море и по волнам Восточного (Тихого) океана прибыло 20 октября 1823 года в порт

Новоархгельск, что на алеутском острове Ситха. Бог миловал от штормов и ранее, помиловал и тогда, когда шли на корабле до острова Уналашка, а Берингово море возле Алеутских островов бывалые мореходы величали колыбелью штормов.

В Новоархангельске свершилось радостное событие – родилась дочь Екатерина, коя, войдя в лета, обвенчалась с диаконом Иркутской Владимирской церкви Ильёй Ивановичем Петелиным, которого святитель Иннокентий пригласил служить в Камчатскую епархию.

29 июля 1824 года семейство Вениаминовых прибыло из Новоархангельска на остров Уналашку, вспоминая, что год и два месяца назад возницы запрягли лошадей и семейство, усевшись в телеги, тронулось из Иркутска в дальний путь, за тридевять земель, в царство штормовых ветров и знобящих холодов.

Любовь к земле Иркутской

Шли годы... Священник Иоанн (Вениаминов) стал епископом, потом – архиепископом Камчатским и Якутским Иннокентием и, наконец, – митрополитом Московским и Коломенским; но все долгие годы будущий святитель Иннокентий помнил и любил родное село Ангинское. Случалось, приезжал в село или посылал щедрые дары – дорогие богослужебные книги и церковную утварь. Бывало, дарил изделия, исполненные своими руками, про кои не грех молвить: *золотые руки*; и для родной Ильинской церкви вырезал из дерева архиерейскую трость, дикирий и трикирий.

Промыслом Божиим 5 января 1868 года от Рождества Христова архиепископ Иннокентий стал преемником митрополита Филарета на кафедре московских первоиерархов и в апреле собрался ехать из Иркутска в Москву. Но перед отъездом посетил родное село Ангинское. Подарил Ильинской церкви “Библию” в великолепном переплёте; и, очевидно, сходил на кладбище, низко поклонился могиле отца – пономаря Евсевия Ивановича и могилам ангинских сродников.

Затем вошёл в избу отца, куда уже заочевали земляки; оглядел некорыстное жильё, вспомнил детство и вдруг, умилившись, узрел на избяном венце деревянную вешалку, где, помнится, красовались красные чирки, подаренные крестным. Говорят, будущий святитель пытался купить отчую избу, но хозяева отказались продавать.

Бывший иркутский семинарист, потом благовещенский диакон и священник не забывал и город Иркутск, с коим сроднился, слюбился за годы здешней жизни.

13 декабря 1840 года в Казанском соборе города Санкт-Петербурга будущий святитель хиротонисан во епископа Камчатского, Курильского и Алеутского согласно решению Святейшего Синода об открытии самостоятельной епархии (епископской кафедры) в Америке и Восточной Сибири с подчинением кафедре камчатских и охотских церквей.

В январе сего же года епископ Иоанн выехал из Санкт-Петербурга к месту служения на остров Ситху, в посёле Новоархангельск. 11 марта 1841 года проездом прибыл в Иркутск; и в воскресенье с архиепископом иркутским Афанасием (Соколовым) совершил Божественную литургию в Благовещенской церкви, где собралось столь народу, что яблоку негде упасть. Иркутяне с восторгом глядели и слушали епископа Иоанна. Впервые читалось Евангелие на одиннадцати языках народов мира; а вначале – на русском, бурятском, якутском и алеутском.

Спустя тринадцать лет, в 1854 году, будучи уже архиепископом, Иоанн приехал из Якутии в Иркутск и 11 апреля в Богоявленском кафедральном соборе на заутрени служил литургию. Евангелие вновь читалось на одиннадцати языках, в том числе на бурятском, якутском, алеутском; и вновь православные иркутяне от мала до велика хлынули к Богоявленскому собору.

А “16 апреля [1854] в пятницу Иннокентий, архиепископ Камчатский, служил литургию в Преображенской церкви” (В. А. Кротов. Летопись города Иркутска 1652–1856. Иркутск, 2013. С. 221). И затем, “25 апреля, в воскресенье, в неделю Жен-мироносиц (...) преосвященный Иннокентий, архиепископ Камчатский, служил литургию в кладбищенской церкви (точнее: во второй Входа-Иерусалимской церкви на Иерусалимском кладбище. –

Н. В. Куликаускене) и отправлял панихиду на могиле супруги своей, скончавшейся в Иркутске и погребённой на этом кладбище около 1840-х годов”. (В. А. Кротов. Летопись города Иркутска 1652–1856. Иркутск, 2013. С. 224.) Сие историческое событие запечатлела Иркутская летопись.

А Иван Барсуков в помянутом историческом сочинении извещал: “...Въсь городъ устремился въ церковь посмотреть на прежнѣго Благовѣщенскаго дьякона, превратившѣгося въ архіерея. Теснота была страшная, такъ что полиція не знала, что и делать. [Говорят], что въ одинъ изъ пріездовъ святитель Иннокентій нашёлъ въ Благовѣщенскомъ храме свой діаконскій стихарь, въ которомъ онъ служилъ здесь въ свои молодые годы, и забралъ его съ собой. Извѣстно также, что онъ завещалъ похоронить себя въ этомъ стихаре, эта просьба была выполнена”.

* * *

Архиепископ Иннокентий (Вениаминов) любил Иркутскую Благовещенскую церковь и величаво выразил свою любовь к ней: путешествуя по реке Амур, прибыл в казачью станицу Усть-Зейская и 9 мая 1858 года заложил в станице Благовещенскую церковь. А потом по-дружески убедил тогдашнего генерал-губернатора Восточной Сибири, графа Николая Николаевича Муравьёва-Амурского, дабы город, что заложил на станичной земле, повеличали: Благовещенск.

Коль помянут прославленный генерал-губернатор Восточной Сибири, то не грех хотя бы кратко поведать о его деятельности, коя сплеталась и с духовным служением тогдашнего архиепископа Иннокентия.

“Муравьёв-Амурский, при жизни величаемый Петром Великим Восточной Сибири, — отец родной служивому люду, кроткому, совестливому, мудрому, положившему судьбу на алтарь Отечества, Небесного и земного; но гордецам, сребролюбцам, мздоимцам, казнокрадам, льстецам, хитрецам и ленивцам — сибирский деспот, подобие царя Иоанна Грозного. Иоанн Грозный создал Государство Российское, а Муравьёв-Амурский без единого выстрела, путём мудрёных переговоров с Дайцинской державой прирастил к России Дальний Восток с Амуром и выходом в Тихий океан. Истинно, по завету Ломоносова: “Российское могущество будет прирастать Сибирью...”, а Дальний Восток о ту пору входил в Восточно-Сибирскую губернию”*.

Генерал-губернатор Николай Муравьёв, служа земному отечеству, не забывал Отечество Небесное и без Божьего благословения не приступал к державным делам, благословляясь у архиереев, искренно веря, коли будет на то воля Божия, всякое дело сладится. Наслышанный о славном архиепископе Иннокентии, Николай Николаевич жаждал познакомиться с Камчатским владыкой и, возможно, обрести в архиерее духовную опору в державном служении.

Желал встречи и владыка, служащий Небесному Отечеству, но помнящий и Отечество земное, размышляющий в письмах и заметках о благополучном народном обустройстве Восточной Сибири и Дальнего Востока. “Ни одно событие изъ совершившихся въ тѣхъ краяхъ не обошлось безъ горячаго содействия преосвященнаго Иннокентія: живымъ его словомъ, сѣрдечнымъ ободреніемъ къ дѣлу, его заступничествомъ за справедливость”, — писал военный губернатор Камчатской области Василий Степанович Завойко.

Встреча двух великих сынов России случилась. В 1849 году архиепископ Иннокентий прибыл в Петропавловск, о чём позже записал: “Причина, заставившая меня предпринять путешествіе, была главная: видѣться лично съ генѣралъ-губернаторомъ, который писалъ ко мнѣ и желалъ того”. Всякий вечер Муравьёв подолгу беседовал, совещался с Камчатским епископом, о чём и обмолвился в рапорте на имя императора Николая I: “Въ Камчатке я имель счастье встретить епископа Камчатскаго и Американскаго преосвященнаго Иннокентія; поучительные бесѣды его со мной ознакомили меня съ этими отдалёнными странами” (Свт. Иннокентий Московский).

Родилась и окрепла дружба равновеликих мужей России, бескорыстно возложивших судьбы на алтарь Отечества, что в святительских устах звучало

* Анатолий Байборodin. Великий сын России. Генерал-губернатор Восточной Сибири Николай Муравьёв-Амурский.

так: горели “ревностью к благу Отечества”. Их сближало единодушие, единомыслие, вдохновенное трудолюбие, железная сила воли, привычка к походной жизни, простонародная неприхотливость в быту.

В 1856 году архиепископ Иннокентий совершил плавание по Амуру, исследуя церкви и жизнь церковных служителей, а попутно изучая природу и русские поселения в Приамурье. Плодом архиерейского путешествия, кроме церковных указаний, стала обширная записка “Нечто об Амуре”, где владыка разработал и запечатлел фундаментальный проект использования природных богатств края, расселения крестьян в Приамурье, разведения скота и строительства городов. Владыка отметил удобство Амура для судоходства, указал хорошие земли для русских поселений и способы заселения.

Генерал-губернатор Николай Муравьев высоко оценил сей основательный труд; и отныне архиепископ Иннокентий – его добрый советник по русскому освоению Приамурья, по возвращению Дальнего Востока российскому государству.

16 мая 1858 года по благословию и молитвами архиепископа Иннокентия генерал-губернатор Восточной Сибири, граф Николай Николаевич Муравьев заключил Айгунский договор, согласно которому признавался русским владением левый берег Амура от реки Аргунь до морского устья великой дальневосточной реки.

В ночь с 17 на 18 мая Николай Николаевич Муравьев вернулся в Благовещенск; и весь следующий день радостно звонили колокола Никольской часовни. Свершился крестный ход, во главе коего шли владыка и генерал-губернатор; а перед часовней православные, пав на колени, возблагодарили Господа Бога, ибо вернулся в Россию Дальний Восток. В Свято-Никольской церкви, возведённой попечением отца Александра (Сизого) и генерал-губернатора, – праздничная литургия, после сего – слово архиепископа Иннокентия к Николаю Николаевичу Муравьеву:

– Наконец Господь помог тебе совершить одно из вековых дел. Благословен Господь Бог, устроивший это дело так вожделенно, мирно, дружелюбно и без посредства оружия.

Архиепископ Иннокентий любил Николая Муравьева-Амурского и высоко ценил его служение Отечеству: “...Если бы, паче чаяния, когда-нибудь и забыло тебя потомство и даже тѣ самые, которые будутъ наслаждаться плодами твоихъ подвиговъ, то никогда, никогда не забудетъ тебя наша Православная Церковь”.

* * *

Дотошный сибирский краевед в хронике деяний двух великих русских мужей изыщет изрядно записей о их плодотворной дружбе, а мы же вернёмся в град Иркутский, откуда генерал-губернатор Муравьев, повеличанный Амурским, правил бескрайним восточно-сибирским краем.

13 марта 1868 года Иннокентий, будучи в сане митрополита Московского и Коломенского, выехал из Якутска в Москву и по дороге навестил родной город Иркутск. Благовещенская церковь, где он обычно служил, ныне уже не вмещала богомольцев; изрядно иркутян осталось в церковной ограде. А 31 марта Высокопреосвященнейший Владыка служил Пасхальную утреню и литургию в Иркутском кафедральном Богоявленском соборе. Воистину, весь православный иркутский люд устремился к собору...

После сего митрополит Иннокентий навечно попрощался с родным селом Ангинским, с родным городом Иркутском и в окружении свиты выехал в столицу. Восторженно встречала митрополита православная Москва, зная о его великих деяниях в христианском просвещении народов Сибири и Америки.

Эпилог

Детские, отроческие, юношеские годы святителя Иннокентия (Вениамина) прошли в суровых житейских испытаниях: детство в бедной семье пономаря из приленского села Анга, сиротское отрочество и юность в Иркутской духовной семинарии, где двенадцать лет отлично учился, хотя чистого ржаного хлеба без мякины не едал. Но испытания, которые святитель одолевал

в боговдохновенном учении, в ремесленных трудах, закалили душу и плоть для великих подвигов на ниве христианского просвещения и спасения язычников. Но склоне лет уроженец глухomanного сибирского села становится апостолом Америки, Сибири и Дальнего Востока, митрополитом Московским и Коломенским.

Если американцы истребили пятнадцать миллионов индейцев, то русские, даже изрядно пострадав от индейцев-тинклитов, старались наладить взаимовыгодный промысел каланов, морских котиков и песцов. Обитали в Русской Америке и купцы-мироеды, что обманом обирали здешних инородцев, но сурово порицали сих лихоимцев православные миссионеры, подобные Иннокентию (Вениаминову), что денно и ночью служили инородцам, заботясь о спасении душ вчерашних язычников.

Вся жизнь святителя Иннокентия шла в каждодневных, вдохновенных трудах: богослужения, христианское просвещение и крещение язычников Сибири и Америки, строительство церквей, изучение, описание языка и быта туземцев, переводы на туземную речь Святого Писания и богослужебных книг. В сорокалетнем апостольском служении святителя ждали лютые морозы, когда птицы на лету замерзали; ждали зловещие метели в заснеженной тундре, когда на оленях либо на ездовых собаках днями и светлыми ночами пробирался от стойбища к стойбищу со спасительным словом Божиим; ждали и смертельно опасные шторма в океане, когда на байдарке добирался от острова к острову, когда плыл на корабле, и волны, вздымаясь в поднебесье, кидали корабль, словно щепку.

Красиво о том поведано в предисловии к первому тому писем святителя Иннокентия (Вениаминова): “Легко вообразить себе, какими трудностями и опасностями сопровождалась разъезды его по епархии, простиравшейся на многие тысячи вёрст, то на собаках, то на оленях, то верхом на лошади, то на байдарках и судах, то пешком, чтобы озарить светом Евангельского учения первобытных дикарей, говоривших наречиями, дотоле неведомыми самому проповеднику. Искусный кормчий Церкви Христовой являлся таким же искусным кормчим и на воде, и кто видел убелённого сединою Архипастыря на корме, среди бушующих волн, упорно и искусно борющегося с грозной стихией, тот никогда не забудет величественного зрелища. . .”*

С Божией помощью, благодаря могучему духу и богатырскому здравью святитель Иннокентий одолевал великие тяготы, какие посильны лишь христианским подвижникам. И в сём апостольском служении духовным наставником святителя, очевидно, был святой апостол Павел, который вспоминал: “Христовы служители? (. . .) Я гораздо более был в трудах, безмерно в ранах, более в темницах и многократно при смерти. От Иудеев пять раз дано мне было по сорока ударов без одного; три раза меня били палками, однажды камнями побивали, три раза я терпел кораблекрушение, ночь и день пробыл во глубине морской; много раз был в путешествиях, в опасностях на реках, в опасностях от разбойников, в опасностях от единоплеменников, в опасностях от язычников, в опасностях в городе, в опасностях в пустыне, в опасностях на море, в опасностях между лжебратиями, в труде и в изнурении, часто в бдении, в голоде и жажде, часто в посте, на стуже и в наготе. Кроме посторонних приключений, у меня ежедневно стечение людей, забота о всех церквях. (. . .) В Дамаске областной правитель царя Ареты стерёг город Дамаск, чтобы схватить меня; и я в корзине был спущен из окна по стене и избежал его рук” (Второе Послание к коринфянам святого апостола Павла 11: 23-32).

Одиннадцать святых учеников благословил Иисус Христос нести Слово Божие в языческие народы, а двенадцатого апостолы избрали жребием. И все святые апостолы, кроме Иоанна Богослова, на попечении коего жила Богородица, обрели мученические венцы Христа ради, пострадав от соплеменников либо от римских и прочих язычников. И святитель Иннокентий, будучи священником, потом архиереем, проповедуя Слово Божие среди диких и воинственных племён, тоже мог пострадать Христа ради подобно священикомученику Ювеналию Аляскинскому, но промысел Божий уготовил святителю долгий апостольский путь для спасения американских, сибирских и дальневосточных язычников.

* Святитель Иннокентий (Вениаминов), митрополит Московский. “Письма. Том I. 1828–1855”.

Иван Платонович Барсуков, талантливый русский историк, к сочинениям которого автор постоянно обращался, мудро и возвышенно повеличал апостола Сибири и Америки: “Выросшій и подвизавшійся до семидесяти лѣтъ среди природы безъискусственной, простой и среди такихъ же простыхъ дѣтъ природы, онъ и самъ былъ простъ и доступенъ, ласковъ и привѣтливъ, прямъ и безпристрастенъ, не любилъ ни въ чѣмъ искусственной нарядности, не любилъ выставять напоказъ (...) свои знания, (...) заслуги, а всегда держалъ себя просто и смиренно. Сильный природный умъ свой онъ обогатилъ такими обширными и многосторонними познаниями, какими немногие обладали. Сердце его было чуждо зависти и лукавства, честолюбія и самомне- ния, жадности къ богатству и роскоши.

Съ самого младенчества поставленный въ борьбу съ суровой природой и людьми, съ нуждами и лишениями, онъ приручилъ себя къ терпѣнію и труду, къ мужеству и стойкости, къ самообладанію и находчивости, воздержанію и довольству малымъ, беспрекословной покорности святой воле Божіей во всѣхъ обстоятельствахъ жизни.

По природе хорошо сложенный и статный, онъ былъ теломъ и духомъ могучъ и крѣпокъ. Онъ бодро устоялъ противъ всѣхъ тяжелыхъ невзгодъ жи- тейскихъ и дожилъ до глубокой старости, не видя болѣзненной дряхлости, до послѣднихъ минутъ сохранивъ ясность ума и благодушіе. Такою пример- ною простотою, воздержаніемъ и кротостію, терпѣніемъ и твердостію, здра- вымъ умомъ и многоопытностію, своей покорностію промышляющему о всѣхъ насъ Богу Преосвященный Иннокентій былъ достойнымъ преемни- комъ Московскихъ молитвенниковъ и святителей”.

Протоиерей Прокопій Громов писал: “Нѣзадолго до своей кончины, прѣдчувствуя её близость, митрополитъ Иннокентій завѣщалъ преосвященно- му Амвросію, епископу Дмитровскому, при погрѣбеніи его не произносить “рѣчей”, в которыхъ “много похвал”, но сказать проповѣдь, которая “можетъ иметь назиданіе”. И самъ же предложилъ идею этой посмертной проповѣди: “И вот Вам текст для неѣ: “От Господа стопы человеку исправляются...”

Святитель Иннокентій Вениаминов на поприще христіанского просвѣще- ния язычников уподобился святымъ апостоламъ, а в миру – великому учёному Михаилу Ломоносову, поскольку оба, будучи сельскими выходцами, обрели глубочайшіе знания во многихъ отрасляхъ науки, воплощая знания с писатель- скимъ талантомъ в бессмертныхъ, душеспасительныхъ сочиненияхъ.